

А. А. Соснина

Новосибирский государственный технический университет

**Идеосемантическая актуализация мотивов,
связанных с прилагательным *пустой* в романе В. О. Пелевина
«Чапаев и Пустота»**

Аннотация. Почти не вызывает сомнений тот факт, что текст способствует этимологическому анализу, предоставляя необходимый фон, который позволяет раскрыться внутренней форме слова, а также иллюстрируя значения последнего, в том числе редкие или давно забытые. С другой стороны, текст позволяет верифицировать результаты этимологического исследования. В статье предлагается одна из возможных конкретных методик по использованию в этимологии художественного текста. Делается попытка проследить, как именно в романе В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота» актуализируются мотивы, связанные с прилагательным *пустой*, обнаруженные при работе с лексикографическими источниками.

The etymologists in majority agree that studying of the text simplifies the etymological analysis, providing a necessary context, which allows discovering of the inner form of the word and its meanings, sometimes rare or long ago forgotten. On the other hand, the text allows verifying of the results of etymological research. In this article offered one of possible concrete methods on the use of artistic text in etymology. We attempt to trace how V. Pelevin's «Chapayev and Emptiness» realizes the motives, connected with the adjective *empty* in the novel.

Ключевые слова: этимология, реэтимологизация, идеосемантика, сетка мотивов, культурная память.

Etymology, reetymologisation, ideosemantics, motif network, cultural memory.

УДК 8

Контактная информация: пр. Карла Маркса, 20, Новосибирск, 630092; +7 913 772 55 85; anna.sosn@yandex.ru

С самого момента появления научного этимологического анализа художественный текст играл в нем значительную роль. Многие компаративисты, например А. Шлейхер и В. М. Иллич-Свитыч, делали попытки реконструировать текст на праязыке. Отечественный филолог В. И. Абаев предположил, что глубинные эмоциональные и ассоциативные связи слова – так называемая идеосемантика – оживают в художественном тексте, и задача автора – показать эти связи [2006, с. 62]. Подобный процесс «пробуждения» ассоциаций в тексте мы называем идеосемантической актуализацией. Термин «реэтимологизация» определяется как «оживление в речи (высокой, поэтической, окказиональной) отдельных, казалось бы, давно забытых этимологических связей слова [Топоров, 2005, с. 31]. При этом

контекст, непосредственное окружение слова диктуется, в свою очередь, идеосемантикой.

Тот факт, что текст способствует этимологическому анализу и позволяет лучше верифицировать его результаты, практически не вызывает сомнений. Трудность представляет конкретная методика использования художественного текста при этимологическом исследовании. Одним из возможных решений в данном случае может оказаться применение сетки мотивов, т. е. разветвленного их перечня, где один пункт пересекается с другим. Эти мотивы могут актуализироваться в тексте, в том числе в художественном произведении. Одним из первых применительно к литературе сформулировал понятие «мотив» А. Н. Веселовский: это одночленные, не разлагаемые далее (без разрушения образности) схемы простейших мифов и сказок [1989, с. 301]. Согласно «Литературному энциклопедическому словарю», мотив – «устойчивый формально-содержательный компонент литературного текста... Критерием в большинстве случаев служит наличие ключевого, опорного слова, несущего особую смысловую нагрузку...» [1990, с. 230]. Ряд современных отечественных филологов также понимают мотив как слово. Так, Н. В. Злыднева трактует мотив как «единицу топики, выраженную центральной (ключевой) лексемой», повторяемость и сочетаемость которой приводит к образованию мотивных кластеров и далее – мотивного «орнамента», позволяющего выявить основные темы и комплексы идей произведений писателя [2006, с. 6–15]. Классическим определением мотива в рамках данного подхода стала формулировка «принципа лейтмотивного построения произведения», предложенная Б. М. Гаспаровым: «...в роли мотива может выступать любой феномен, любое смысловое “пятно”... единственное, что определяет мотив, – это его репродукция в тексте, так что в отличие от традиционного сюжетного повествования... здесь не существует заданного “алфавита” – он формируется непосредственно в развертывании структуры и через структуру» [1994, с. 30–31]. В. Н. Топоров предполагает, что «все мотивы, связанные с данным словом... суть этимологические решения этого слова» [2005, с. 45].

Для получения сетки мотивов, связанных с конкретным словом, необходимо определить границы этимологического и словообразовательного гнезда с помощью словарей соответствующего типа, а затем провести тщательный семантический анализ каждого слова, относящегося к этому гнезду слова на синхронном и диахронном уровнях. Разные слова, входящие в гнездо, могут отражать различные мотивы, присущие корню в целом. Каждое значение, в том числе нашедшее отражение в говорах или в истории языка, представляет отдельный мотив. Другие мотивы мы получаем, проанализировав производные от данного слова, семантика которых значительно отличается от его собственной, его синонимы, а также родственные слова в других языках. При этом важно, чтобы значения слов не пересекались и не повторялись.

Малый академический словарь выделяет для прилагательного пустой семь значений: 1. ‘ничем не заполненный (о каком-либоместилище)’, ср. пустая бочка; ‘не занятый кем-л., чем-л. обычно находящимся в нем или на нем’ (важное уточнение, указывающее не на полное отсутствие содержимого, а лишь содержимого, обычного в таком случае или ожидаемого субъектом, ср. пустая улица); не заправленный (о пище), ср. пустой суп. 2. Перен. ‘ничего не чувствующий’. Остальные пять значений достаточно близки, их можно фактически свести к одному: ‘несерьезный’: ср. 3) несерьезный, духовно ограниченный (о человеке); 4) неосновательный, лишенный серьезного значения (пустые страхи), 5) бессодержательный; незначительный, ничтожный; 6) в значении существительного пустое – ‘дело, обстоятельства, слова, не заслуживающие внимания’; 7) в значении сказуемого пустое: ничего, не стоит обращать внимание, пустяки [СРЯ, 1987, т. 3, с. 561]. В Толковом словаре русского языка С. И. Ожегова для прилагательного

пустой приводится только два значения: ‘ничем не заполненный’ и ‘несерьезный’ [Ожегов, Шведова, 1992, с. 652].

Анализ диалектного материала дает нам некоторые дополнительные значения прилагательного *пустой* (приводятся только те, которые не были отражены выше и не имеют с ними тесных семантических пресечений): 1) простой, обычный; не волшебный; 2) бесплодный (ср. пустая женщина); 3) плохой; 4) неспособный; 5) голодный (ср. пустой год) [СРНГ, 1999, с. 146–147] Значение ‘плохой’ также отчасти реализуется в слове *пуций* – в современном языке – ‘более сильный’, но в словаре XI–XVII вв. – ‘худший’, ‘низший’, ‘более несчастный, жалкий’, а также ‘большой’ [Словарь..., 1997, с. 53–54]; слово *пуций*, что характерно, также является супплетивной формой в старославянском языке от *плохой*. Слова *пуций* и *пуце* появляются еще в ранних памятниках, в отличие от близких по семантике *плохой* и *хуже*, и отражают древнее мировидение, связанное формированием общеотрицательной оценки в русском языке.

Состав рассматриваемого гнезда содержательно почти не изменился начиная с XVIII в. [Соснина, 2013, с. 149]. При дальнейшем углублении в историю словообразовательного гнезда мы обнаруживаем другие значения прилагательного *пустой*: ‘покинутый, оставленный без помощи’ (Псалт. Чуд. 148.XI в.) и ‘лишенный, не имеющий чего-л.’ (Псалт. Чуд., 24.XI в Остр. ев., 216. 1057 г.), которые не сохранились впоследствии, остальные же значения близки к современным [Словарь..., 1997, с. 53–54].

Из словарей видно, что прилагательное *пустой* может развивать значения ‘не содержащий, не имеющий чего-либо’ (пустая женщина ‘бесплодная’, пустая порода ‘не имеющая полезных ископаемых’, пустой чай ‘без сахара’, пустая голова ‘глупая, без мозгов’ и т. д. Иногда оно оказываются синонимично приставке *без-*: пустобородый – безбородый, пустоплодный – бесплодный [СРНГ, 1999, с. 146–147], в ряде случаев приставки *без-* и *не-* содержатся в его толковании в словаре, ср.: несерьезный, бессодержательный, незначительный, бесполезный, необитаемый, безлюдный и др.

От прилагательного *пустой* произведены существительные *пустота*, *пустышка*, *пустошь* и ряд других, наречия *пусто*, *попусту* и др., несколько прилагательных (*пустоватый*, *пустотный*), глаголы типа *пустеть*, сложные слова с начальным компонентом *пуст-*: *пустобай*, *пустозвон* и др. [Тихонов, 2003, т. 1, с. 851] В основном эти слова развивают две семантические линии: ‘незанятый, незаполненный’ и ‘бесполезный, ненужный’. Существительное *пустота* имеет также значения ‘одиночество, отсутствие близкого общения’ и ‘состояние душевной опустошенности’ [СРЯ, 1987, т. 3, с. 561]. Прилагательное *пустой* на современном этапе не имеет значений ‘одинокый, покинутый’ и ‘оставленный без помощи’, однако они присутствовали в истории языка [Словарь..., 1997, с. 53–54].

К тому же гнезду, что и *пустой*, формально относятся слова *пускать* / *пустить*, а также *пусть*, *пускай* и *пуций* / *пуце*, но семантическая связь между ними на данный момент утрачена. Глаголы *пустить*, *пускать* и *пуцать* имеют множество значений, но основное из них ‘переставать удерживать силой; давать свободу действий’. Исторически у слова *пускать* было значение ‘опустошать, разорять’. [Там же]. Это означает, что глагол долгое время был связан с другим семантическим центром анализируемого гнезда – прилагательным *пустой*.

Наличие общего семантического звена между двумя вершинами рассматриваемого гнезда не объясняет появление сем ‘начало движения’ или ‘быстрое движение’ (ср. *пускаться*) и лишь отчасти объясняет сему ‘освобождение’ (ср. *отпустить*). На основании данных Словаря русского языка XI–XVII вв. можно предположить, что сам глагол *пускать* первоначально применялся по отношению к выстрелу из лука, а затем был перенесен на любые другие виды стрельбы или

метания различного типа снарядов, косвенным подтверждением этому тезису служат древние значения глагола, такие как ‘стрелять, бросать, метать’, а также выражения вроде *пускать пушку* – ‘выстрелить из пушки’ а также современные словосочетания – *пустить пулю в лоб, запускать ракету, фейерверк* и множество производных от глагола *пускать* (например, *спусковой крючок, запуск* и т. п.) [Соснина, 2014, ч. 1, с. 170–173]. Высказанная гипотеза нуждается в дальнейшей проверке, однако позволяет связать воедино некоторые лингвистические факты.

Анализируя синонимы прилагательного *пустой*, мы будем опираться на метод, предложенный Ю. Д. Апресяном [1974, с. 300], где основной критерий – это возможность истолковать синонимы одинаковым или почти одинаковым образом. Для слова *пустой* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка дает следующий синонимический ряд: *пустующий, опустевший, поэт. опустелый и порожний*. Общее значение для них: ‘такой, где отсутствует нечто, чего в данном месте естественно ожидать’. Данный синонимический ряд соприкасается с рядом *безлюдный, пустынный, глухой* – ‘такой, где вопреки ожиданию нет людей или их не видно’.

Производные от корня *пуст-* / *pust-* присутствуют и в других славянских языках. При этом серьезных отличий от русского языка с точки зрения словообразования и семантики не наблюдается, кроме, пожалуй, одного: в южнославянских языках слово *пустой* имеет, в числе прочих, значение ‘проклятый’, *пустыня* – ‘проклятие’, болг. *пустоваши* ‘проклинать, произносить проклятия’ и т. п. Анализ данного корня в славянских языках, включая русский, позволил сделать важный вывод: повсеместно в славянских языках большинству производных от данного корня свойственна общеотрицательная оценка [Соснина, 2013, с. 149].

Однозначно доказанных этимологических соответствий корню *пуст-* / *pust-* в других индоевропейских языках не отмечено. В этимологических словарях делается предположение, что однокоренными являются др.-прус. *pausto* ‘дикий’, др.-греч. *παύω* ‘прекращать работу’ и производные от него, а также, возможно, лат. *purus* ‘чистый, пустой целомудренный, дикий, лишенный чего-л.’ [Рокорны, 1959, с. 79; ЭБСМ, 2005, с. 240]. Слова с интересующим нас корнем в древнепрусском, древнегреческом и латинском языках не содержат отмеченной на материале славянских языков общеотрицательной оценки, однако анализ фактов всех рассмотренных языков позволяет предположить общую для всех производных от корня сему ‘отсутствие предмета, свойства или признака’.

Проанализировав материал словарей, можно составить список мотивов, связанных с корнем *пуст-* в разных языках, объединяя при этом повторяющиеся значения, даже обнаруженные в разных языках, в один мотив. При этом невозможно избежать определенной доли субъективности: 1. Ничем не заполненный, незанятый чем-то или кем-то важным, ожидаемым; 2) не заправленный (пустой суп), невкусный; 3) несерьезный, неважный, бессодержательный, бесполезный; 4) простой; 5) бесплодный (ср. пустая женщина); 6) неспособный, плохой; 7) бесчувственный; 8) одинокий; покинутый, оставленный без помощи; 9) бескачественный; 10) давать двигаться, перестать удерживать силой; 11) опустошать, разрушать, стрелять; 12) более сильный; 13) безлюдный, глухой; 14) проклятый; 15) дикий; 16) останавливаться, прекращать работу, пауза, промежуток; 17) чистый, целомудренный.

В романе В. О. Пелевина интересующий нас корень *пуст-* встречается 179 раз, его вариант *пуск-* – 27, *пуц-* – 8. Таким образом, мы имеем 214 контекстов. Это значит, что не только прокомментировать их все, но и просто перечислить не представляется возможным. Поэтому здесь будут представлены прежде всего те контексты, которые не просто иллюстрируют современное широко употребительное значение, но случаи идеосемантической актуализации древних, утраченных, а также редких и необычных с синхронной точки зрения мотивов, а также случаи,

когда значение корня *пуст-* в тексте несколько отличается от словарных или трудно соотносится с каким-либо из них.

Пустой – не занятый (чем-то нужным)

Если стакан или какая-либо иная емкость относительно небольшого объема могут оказаться абсолютно пустыми, то более обширное пространство – улица, пустырь, город – редко оказываются пустыми. Там может находиться множество различных объектов, однако они не представляют никакой ценности, не имеют смысла, хотя бы с точки зрения конкретного человека в данный момент. Косвенным подтверждением понимания пустого места как ненужного являются слова *пустыня* и *пуща*, обозначенные в русском языке одним корнем, ср: *пуща* (< *pustja*) ‘трудно проходимый густой лес’ – развивает почти противоположное основному значение (ср. *пустыня* ‘пустое место’ и *пуща* ‘густые заросли’). Тем не менее подобное изменение значения представляется вполне объяснимым с точки зрения реалии. В обоих случаях речь идет о месте, непригодном для людей, не населенном ими и, следовательно, в психологическом смысле, пустом. Контексты, в которых *пустой* значит ‘не заполненный чем-то нужным’ (но не просто пустой) мы во множестве находим и в романе В. О. Пелевина. Вот один из характерных отрывков: *«Мария со сладким ужасом подумала, что где-нибудь здесь, быстро и немного неловко, и произойдет алхимический брак, – как вдруг проход вывел в пустое пространство (здесь и далее выделено нами. – А. С.), со всех сторон окруженное жестяными стенами разного цвета и высоты. Впрочем, пространство было не совсем пустым. Под ногами, как и положено, валялись бутылки, еще была пара старых покрывшек, мятая дверь от “Лады” и большое количество разного квазимеханического мусора, который всегда скапливается возле гаражей»* [Пелевин, 1996, с. 32]¹. Автор сам отмечает, что описанное им пространство не было пустым, но почему тогда он все же дает ему сначала определение *пустой*? Одно из возможных объяснений – бесполезное, незаселенное и заброшенное место, загроможденное множеством никому не нужных предметов, воспринимается как пустое.

Пустой – стрелять, опустошать, разрушать

Как уже было сказано, у глагола *пустить* в XIX в. и ранее было, кроме совпадающих с современными, значение ‘опустошать’. Кроме того, были высказаны некоторые доводы в пользу того, что первоначальным значением этого глагола могло быть ‘пускать стрелы’, в последствии – ‘пустить оружие в ход’ и соответственно ‘разрушать’, ‘опустошать’. Связанный с этим значением мотив встречается в романе В. О. Пелевина неоднократно, вот один из примеров: *«Я вдруг остро ощутил свое одиночество и беззащитность в этом мерзлом мире, жители которого норовят отправить меня на Гороховую или смутить мою душу чарами темных слов. Завтра утром, подумал я, надо будет пустить себе пулю в лоб»*. О мотиве «одинокий» речь еще пойдет далее, но характерно, что в большинстве случаев мотивы в романе тесно переплетаются, встречаются рядом, так что их трудно отделить один от другого, как в данном случае – мотивы «одинокий» и «стрелять». Также интересно, что отрывки, в которых мы встречаем производные от корня *пуст-*, содержат упоминания тишины, темноты и холода. Чаще всего эпитеты *темный*, *холодный* и т. п. непосредственно характеризуют пустое место, но иногда соседствуют с производным от корня в одном контексте, как в данном случае. Если допустить, что идеосемантика действительно отчасти влияет на сло-

¹ Далее ссылки на это издание даются в круглых скобках с указанием страниц.

весное окружение слова, то, возможно, подобное достаточно частое в романе соседство получает свое хотя бы гипотетическое объяснение. Яркое освещение, четкая организованность и безопасность пространства также могут быть свойственны пустому месту, однако в большинстве случаев пустое место предстает перед нами темным, безмолвным, пугающим и холодным. Холод, свойственный обыкновенно пустому месту, связан, возможно, с отсутствием там очага, который символизирует домашний уют и безопасность и организует пространство одним своим существованием.

Применительно к смертоносному глиняному пулемету, в который спрятан мизинец Будды и к другим различным видам оружия в романе также обычно используется выражение *пустить в ход*. В целом оказывается, что мотив разрушения, опустошения вполне соотносится с общей семантикой корня *пуст-* [Соснина, 2013, с. 150] Достаточно часто слово *пустой* и однокоренные с ним используются в контекстах, описывающих крайнюю степень разорения, ср.: *выжженная пустыня реформ, разгром и запустение* и др. При этом представляется закономерным, что автор использовал слова *разгром* и *запустение* как синонимы.

Пустой – апофатический, бескачественный

Несмотря на частую встречаемость данной семы, нельзя утверждать, что она очевидна. Поэтому контексты романа В. О. Пелевина, в которых реэтимологизируется данный мотив, представляют для нас особый интерес. Вот один из подобных эпизодов: «Сердюк заметил, что то **пространство**, где... что-то происходит, **находится от него очень далеко** и представляет собой до такой степени **ничтожный** сегмент реальности, что нужно из всех сил сосредотачиваться, чтобы следить за происходящим в этом сегменте. Между тем, **никакого смысла** в этом мучительном сосредоточении – а Сердюк уже знал: такое сосредоточение и есть жизнь – **не было**. Оказалось, что все его долгое, полное тоски, надежды и страха человеческое существование было просто мимолетной мыслью, на секунду привлечшей его внимание. А теперь Сердюк (да и никакой на самом деле не Сердюк) плыл в **бескачественной пустоте** и чувствовал, что приближается к чему-то огромному, излучающему нестерпимый жар» (с. 113). Показательно, что в приведенном эпизоде пустота, собственно, и характеризуется как бескачественная. Другие выделенные жирным шрифтом детали текста, как и во фрагментах, приведенных ранее, демонстрируют тесную спаянность мотивов между собой. Мы встречаем уже описанные нами прежде мотивы – такие, как периферийное положение пустого пространства и его бессмысленность.

Пустой – одинокий; покинутый, оставленный без помощи

Данный мотив связан со значением, утраченным прилагательным *пустой* в русском языке, по крайней мере уже в Словаре Академии Российской оно не зафиксировано. Хотя близкое значение есть у существительного *пустота* – ‘одиночество, отсутствие близкого общения с людьми’ [СРЯ, 1987, т. 3, с. 562].

В. О. Пелевин, рассказывая о детстве и начале болезни своего героя, упоминает, что учительница географии называла его «пустым человеком» – как следует из текста, причиной послужила его фамилия Пустота. Одновременно сам герой, по выражению родителей, «отошел от семьи, находится в состоянии эмоц. отчуждения... (сокращение В. О. Пелевина. – А. С.) В связи с этим жалуется на одиночество и непонятость окружающими. По словам больного, никто не в силах мыслить с ним “в резонанс”». Разумеется, на основании данного отрывка нельзя говорить о реэтимологизации древнего значения ‘одинокий, покинутый’ в тексте романа. Однако само присутствие в одном контексте слов *пустой* и *оди-*

ночество еще раз косвенно подтверждает, что эти слова составляют идеосемантический фон корня и в некотором смысле «притягиваются» одно к другому, формируя таким образом контекст.

К сожалению, объем данной статьи не позволяет описать все случаи использования мотивов, связанных с корнем *пуст-*, в романе В. О. Пелевина «Чапаев и Пустота». Однако следует отметить, что из выделенных нами и перечисленных выше мотивов в тексте встретились не все. Например, не встретились ‘голодный’, ‘не заправленный’ и др. Неясно, связано ли это с какими-либо особенностями текста романа или со свойствами самого корня *пуст-*. Ряд контекстов допускает неоднозначное толкование. Например, анализ лексикографических источников позволил нам выделить мотив ‘простой, банальный’. В романе есть эпизод, который позволяет предположить этот мотив. Он связан с одним из эпитетов, характеризующих пустоту в романе – *серый*: «Мне вдруг вспомнилось то место в “Балаганчике” Блока, когда прыгнувший в окно Арлекин прорывает бумагу с нарисованной на ней далью и в бумажном разрыве появляется серая пустота» – эпитет, употребленный именно В. О. Пелевиным, а не А. А. Блоком. Одно из возможных пониманий приведенной цитаты обусловлено непосредственным значением слов *серый* в русском языке ‘ничем не примечательный, бедный содержанием’ [СРЯ, 1987, т. 4, с. 83]. Поэтому можно лишь предположить, что в приведенном отрывке *серый* выступает синонимом *банального, скучного* и, может быть, *безысходного*. Однако эпитет *серая пустота* необычен и допускает множество трактовок и оставляет нам множество вопросов.

В ряде случаев контексты, встреченные в романе трудно классифицировать с точки зрения мотивов, выделенных на основании словарей. Приведем только один пример: «Мармеладов одним движением сорвал маску, и одновременно с его тела слетел привязанный к маске хитон, обнажив одетую в кружевные панталоны и бюстгалтер женщину в серебристом парике с мышинной косичкой.

Боже... Старуха... А руки пусты...»

Пустые руки в русском языке могут обозначать скaredность или недостаточную щедрость, ср. *прийти с пустыми руками*; также в русском языке есть выражение *голыми руками*, т. е. без оружия. Можно также предположить, что пустые руки женщины здесь синонимичны пустым ведрам в примете, уходящей вглубь веков и, возможно, тоже связанной с общим негативным представлением о пустом пространстве («встретить женщину с пустыми ведрами – к несчастью»). Однозначная трактовка в этом случае обеднила и упростила текст, и в этом одна из особенностей художественной литературы. Едва ли возможно выбрать и одно из многих значений прилагательного, и связанный с ним мотив.

Несмотря на то, что не все мотивы были проиллюстрированы, некоторые выводы можно сделать. Проведенный анализ показал, что даже если отдельное значение слова утрачивается в процессе семантической эволюции или его распространение территориально ограничено, даже эти значения могут актуализироваться в тексте – таким образом, в ряде случаев действительно происходит реэтимологизация. Также косвенное подтверждение получает тезис о том, что идеосемантика до некоторой степени влияет на контекст. Возможно, тот факт, что мотивы обычно встречаются в комплексе и их бывает сложно разделить, отчасти объясняется этим. Некоторые из мотивов представлены более широко, другие встречаются крайне редко. При этом нельзя наблюдать прямой зависимости степени актуализации мотива от распространенности значения – в достаточно большом по объему романе нам, например, не встретился контекст, который бы можно было однозначно интерпретировать как иллюстрирующий мотив «бессмысленный», в то время как аналогичное значение присутствует у прилагательного *пустой* почти на всем протяжении его истории и является достаточно частотным. Однако следует отметить, что употребление слова в тексте обусловлено

не только его этимологией. Слова, особенно обозначающие древние и значимые для человека понятия, такие как «пустота», имеют обширный культурный фон, который также влияет на использование этого слова автором художественного произведения. С пустотой связаны не только мотивы, объясняемые этимологией слов с корнем *пуст-*, но и значительное число мифологических и философских мотивов.

Список литературы

- Абаев В. И.* Статьи по теории и истории языкознания / Сост., отв. ред. В. М. Алпатов. М.: Наука, 2006.
- Апресян Ю. Д.* Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. М., 1974.
- Веселовский А. Н.* Историческая поэтика. М., 1989.
- Гаспаров Б. М.* Литературные лейтмотивы. Очерки русской литературы XX века. М.: Наука, 1994.
- Злыднева Н. В.* Мотивика прозы Андрея Платонова. М., 2006.
- ЛитЭС – Литературный энциклопедический словарь. М., 1987.
- Ожегов С. И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992.
- Пелевин В. О.* Чапаев и Пустота. 1996. URL: http://iknigi.net/avtorviktorgelevin/29032_chapaev_i_pustota_viktor_pelevin.html (дата обращения 06.11.2013).
- Словарь русского языка XI–XVII веков. М., 1997. Вып. 21.
- СРЯ – Словарь русского языка: В 4 т. М., 1987.
- Соснина А. А.* Этимологическое гнездо с корнем *пуст-* / *pust-*: семантические связи // Межкультурная коммуникация: лингвистические и лингводидактические аспекты: Материалы IV Междунар. конф. Новосибирск, 2013. С. 147–156.
- Соснина А. А.* Пустой и пускать: проблемы семантического перехода // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2014. № 2, ч. 1. С. 170–173.
- СРНГ – Словарь русских народных говоров. Л.: Наука, 1999. Вып. 33.
- Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. М., 2003.
- Топоров В. Н.* Исследования по этимологии и семантике. М., 2005. Т. 1: Теория и некоторые частные ее приложения.
- ЭСБМ – Этымалагічны слоўнік беларускай мовы: Акадэмія навук БССР. Минск, 2005. Т. 10.
- Pocorny J.* Indogermanisches etymologisches Wörterbuch. Bern; München, 1959. Bd. 1, 2.